

Оригинальная статья / Original article

УДК 94

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-2-129-138>

Интересы России в Марокко: из донесений российских дипломатов XIX в.

© Е.В. Яковлева

Иркутский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье с привлечением архивных материалов, материалов российской периодической печати и опубликованных источников анализируются интересы российских политиков в Марокко в XIX в. Рассматриваются причины активизации внимания западных государств к Марокко, которое в конце XIX в. превратилось в новый региональный эпицентр международных противоречий. На основе секретной инструкции министерства иностранных дел для российского консула В.Р. Бахерахта характеризуются цели и задачи колониальной политики Англии, Франции, Испании и Германии в Марокко. По мнению автора, периодическое упоминание Марокко и марокканского вопроса в донесениях российских послов свидетельствует о систематическом интересе российского правительства к данному региону, его стратегическим и экономическим возможностям для России. На основе анализа донесений российских дипломатов – Х.А. Ливена, А.М. Горчакова, Э. Кнебеля, А.И. Нелидова, М.А. Горчакова, И.Я. Коростовца выделяются основные направления политики России в Марокко. В результате исследования сделан вывод о том, что российское правительство в конце XIX в. было нацелено на активное участие в решении марокканского вопроса и установление политического влияния России в Северной Африке.

Ключевые слова: политика России в Африке; колониальная политика; колониальный раздел Африки; Северная Африка; соперничество европейских держав в Марокко; марокканский вопрос; колониальная политика Англии, Франции, Испании и Германии в Марокко в конце XIX в.; Россия и Марокко; интересы России в Марокко

Информация о статье: Дата поступления 22 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Яковлева Е.В. Интересы России в Марокко: из донесений российских дипломатов XIX в // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 129–138. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-129-138

Russia's interests in Morocco: from reports of the Russian diplomats of the 19th century

© Elena V. Yakovleva

All-Russian State University of Justice, Irkutsk Branch (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article presents the analysis of the Russian politicians' interests in Morocco in 19th century. Using archive data, periodical press material and published sources, the author examines the causes of increased attention of western states to Morocco, the country which in the late 19th century turned into a new regional epicenter of the international contradictions. On the basis of secret instructions of the Ministry of Foreign Affairs to Russian consul V.R. Bakherakht the author characterizes the purposes and problems of colonial policy of England, France, Spain and Germany in Morocco. According to the author's opinion the periodic mention of Morocco and the Moroccan issue in the reports of the Russian ambassadors shows the systematic interest of the Russian government in this region, its strategic and economic opportunities for Russia. The analysis of the main directions of Russia's policy in Morocco are highlighted on the basis of the analysis of the Russian diplomats' reports (H.A. Liven, A.M. Gorchakov, E. Knebel, A.I. Nelidov, M.A. Gorchakov, I.Ya. Korostovets). The author concludes that the Russian government at the end of the 19th century was aimed at active participation in solving the Moroccan issue and establishing political influence of Russia in North Africa.

Keywords: Russia's policy in Africa; colonial policy; colonial division of Africa; North Africa; rivalry of European powers in Morocco; Moroccan issue; colonial policy of England, France, Spain and Germany in Morocco in the late 19th century; Russia and Morocco; Russia's interests in Morocco

Article info: Received February 22, 2019; accepted for publication March 25, 2019; available online June 25, 2019.

For citation: Yakovleva E.V. Russia's interests in Morocco: from reports of the Russian diplomats of the 19th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 129–138. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-129-138

Изучение проблемы «Россия и Марокко» начали еще дореволюционные исследователи (Скальковский, 1901; Защук, 1908), которые, исходя из принципов имперского мировоззрения, рассматривали марокканский вектор в качестве одного из направлений внешней политики России в Африке в конце XIX в. Большой вклад в исследование российско-марокканских отношений в XIX в. внесли советские историки (Ратиани, 1939; Руткевич, 1939; Луцкая, 1958; Луцкая, 1961; Соколов, 1973). В советской историографии доминировала идея о том, что Россия не имела собственных корыстных интересов в Марокко, акцент делался на изучении культурных и дипломатических контактов. Идеологические и политические причины обусловили противопоставление мирной политики России в Африке колониальным интересам Англии, Германии, Франции и Испании. Не обошли вниманием тему российских интересов в Марокко и западные историки (Anderson, 1930; Parsons, 1976), которые в отличие от советских исследователей рассматривали Россию как одну из участников колониальной деятельности западных держав в Марокко в конце XIX в. Переосмысление истории российско-марокканских отношений в отечественной историографии начинается лишь с конца 80-х гг. XX в. Российские историки стали признавать наличие геополитических целей России в Марокко, отрицая при этом торговые и экономические интересы (Мусатова, 1987; Мусатова, 1990; Подгорнова, 1997). Современные российские исследователи, продолжая традицию советской историографии, наибольшее внимание уделяют изучению культурных и дипломатических контактов России с Марокко (Дьяков, 2009; Дьяков, 2013; Орлов, 2015; Жерлицына, 2017а; Жерлицына, 2017б). России в иссле-

дованиях отводится роль стабилизирующего фактора в средиземноморском регионе. Выводы современных историков отчасти противоречивые. Например, отрицая наличие особых интересов России в Марокко, исследователи в то же время отмечают, что средиземноморские порты в Танжере рассматривались в качестве промежуточных стоянок для российских судов и вопрос приобретения там угольных станций обсуждался в конце XIX в. морским министерством (Дьяков, 2009. С. 10–11; Орлов, 2017. С. 116).

Марокко в конце XIX в. вышло на авансцену международных отношений и превратилось в эпицентр колониальных интересов ведущих европейских держав – Франции, Германии, Испании, Великобритании. «Империя Марокканских султанов, издавна обращавшая на себя внимание европейского материка ввиду занимаемого ею исключительного географического положения», – так охарактеризовало Марокко министерство иностранных дел Российской империи в 1898 г. (АВПРИ¹. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 101). В конце XIX в. началось массированное проникновение великих держав в Марокко. По мнению российского правительства, в этот период «соперничество держав в Марокко стало заметно усиливаться, утратило постепенно характер борьбы местных интересов и, перейдя в обширную область политических комбинаций общего свойства, получило совершенно исключительное значение, особенно ввиду оживившегося восточного вопроса и усиленной деятельности европейских государств по разделу Африканского материка» (Там же. Л. 102).

¹ Архив внешней политики Российской империи. Archive of foreign Policy of the Russian Empire.

Активизация колониальной политики европейских государств в Марокко была обусловлена важностью средиземноморского региона в международных делах. Интерес к Марокко определялся, прежде всего, его важным стратегическим положением на берегу Гибралтарского пролива, на пути из Европы в Азию. Каждая страна преследовала в Марокко свои интересы. Колониальные интересы Франции, Германии, Испании, Великобритании в Марокко были освещены в секретной инструкции министерства иностранных дел для В.Р. Бахерахта от 27 февраля 1898 г., в которой были четко расставлены внешнеполитические акценты (АВПРИ. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 101–131).

По мнению министерства иностранных дел, Великобритания стремилась внедриться в Марокко для усиления своих позиций на Средиземном море, которое в конце XIX в. геополитически соединило европейский и африканский континенты в сложную систему международных противоречий. Обострение англо-русских противоречий на фоне секретных англо-германских переговоров определило повышенное внимание российского правительства к действиям Великобритании в Марокко. Великобритания, обладая северным берегом Гибралтара, пыталась защитить свои морские торговые пути, не желая, чтобы кто-то из европейцев, особенно французы, обосновался на южном берегу. Великобритания и Франция «не щадят усилий для приобретения преобладающего влияния в стране, господствующей над водным путем из Средиземного моря в Атлантический океан», – отмечало министерство иностранных дел в отчете за 1901 год (АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 132. Л. 60 об.).

Франция, обосновавшаяся в Алжире и Тунисе, рассматривала Марокко в качестве зоны продолжения своих североафриканских интересов. Необходимо отметить, что об интересах Франции в Марокко в секретной инструкции упоминалось вскользь. Свою роль сыграли франко-русские соглашения 1891–1893 гг., которые легли в основу формирующейся Антанты. Испания в конце XIX в. предъявляла исторические претензии на Марокко, считая, что соседство и совместная история дают ей преимущественное право на эту страну. Именно

поэтому испанское правительство высказывало серьезные опасения по поводу усиления влияния в Марокко Франции и Англии (АВПРИ. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 114).

Особое внимание в инструкции уделялось политике Германии в Марокко. Российское правительство рассматривало в качестве доминанты марокканского вопроса. Отмечался наступательный характер внешней политики Германии в целом и в Марокко, в частности. По мнению российского министерства иностранных дел, Германия хотела «воспользоваться влиянием своим в Магрибе для того, чтобы, в случае каких-либо европейских столкновений, нанести удар обаянию Франции в Африке, или же для того, чтобы угрозой в этом направлении отвлечь некоторую часть военных сил республики в сторону ее колониальных владений» (Там же. Л. 114). Франко-германское соперничество в Марокко показало нерасторжимую связь между европейской и колониальной политикой ведущих мировых держав. Кроме этого, Германия стремилась «найти точку соприкосновения с интересами Англии», которая, с одной стороны, была «весьма желательной союзницей, как сильная морская держава», а, с другой стороны, являлась серьезной «соперницей на разных поприщах дипломатической деятельности» (Там же. Л. 113).

Исследовав интересы западных держав в Марокко в конце XIX в., министерство иностранных дел пришло к выводу, что «данные об отношениях европейских держав к Магрибу ясно указывают на причины и основания, в силу коих эта страна постепенно вошла в область общих политических интересов, что имело неизбежным последствием возникновение так называемого марокканского вопроса, в сущности представляющего из себя более сложный и многовековой вопрос о борьбе за преобладание в бассейне Средиземного моря, где издавна сталкивались весьма существенные интересы западных государств» (АВПРИ. Ф. 509/1. Д. 4248. Л. 115).

Примечателен тот факт, что цели и задачи колониальной политики ведущих мировых держав в Марокко достаточно подробно освещались и рос-

сийской прессой в конце XIX в. (Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января. С. 4–5; Наблюдатель. 1894. № 7. С. 27; Русская мысль. 1894. № 1. С. 14–25; Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 133. 17 мая. С. 3). Столь пристальное внимание к политике западных держав в Марокко российского правительства и российской общественности свидетельствовало о наличии своих собственных интересов в Северной Африке. В качестве основной причины «внимания политического мира» к Марокко автор статьи «Мароккский вопрос» в газете «Московские ведомости» отмечал: «опасения заинтересованных великих держав, чтобы которая-нибудь из них не приобрела преобладающего положения в стране, которая с одной стороны доминирует над входом в Средиземное море» (Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января. С. 5). Марокко также рассматривалось в качестве превосходной колонии «не только вследствие своего положения на берегу двух морей, но также вследствие плодородности своей почвы и мягкости своего климата» (Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января. С. 5). Таким образом, финансово-промышленные и торговые круги России не исключали возможности своего участия в разделе колониальных сфер влияния в северо-западном регионе Африки.

Интерес представителей политических кругов России к Марокко начал оформляться еще в начале XIX в. Именно с этого времени российские дипломаты стали упоминать Марокко в своих донесениях. В 1816 г. российский посол в Лондоне Х.А. Ливен прислал министру иностранных дел проект некоего Х. Кэйхилла, который 11 лет жил в Марокко. В проекте предлагалось установить с Марокко официальные дипломатические отношения и учредить там российское консульство. По мнению Х.А. Ливена, «изложенный проект» представлял «значительный интерес для нашего департамента коммерции» (Внешняя политика России XIX – начала XX вв.)². Речь шла о развитии российско-марокканской торговли. Проект заинтересовал

² Документы Рос. МИД. Сер. 2, 1815–1830. Т. 1 (9), 1974. С. 111.

Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Ser. 2, 1815–1830. Vol. 1 (9), 1974. P. 111.

российское правительство, был представлен Александру I. Однако из-за отсутствия финансовых средств, необходимых для учреждения дипломатического представительства в Марокко, реализация проекта не состоялась.

Вновь о развитии российско-марокканской торговли и установлении дипломатических отношений с Марокко заговорил в 1830 г. А.М. Горчаков, который в то время был главой российского дипломатического представительства во Флоренции. В своем донесении временному управляющему министерства иностранных дел Российской империи Х.А. Ливену от 4 сентября 1830 г. А.М. Горчаков писал о целесообразности заключения договора о мире между Россией и Марокко³. К своему донесению А.М. Горчаков приложил записку Грабера де Эмсо о «преимуществах мирного договора между Россией и Марокканской империей»⁴. Грабер де Эмсо долгое время занимал пост консула Швеции в Триполитании, Ливанте, Танжере и был автором серьезных исследований об истории, политике и экономике средиземноморских государств. По мнению Грабера де Эмсо, Россия могла бы без особых усилий установить с Марокко дипломатические отношения и «распространить свою торговлю до Западного берега Африки, где испытывается потребность в товарах империи»⁵. Грабер де Эмсо отмечал российские товары, которые могли бы пользоваться большим спросом в Марокко: железо, свинец, лес, пенька, шерсть, порох, оружие, зеркала. В записке резюмировалось, что «Россия признана принять активное участие в общемировой торговле... с прибрежными государствами средиземного моря»⁶. Записка Грабера де Эмсо была отправлена А.М. Горчаковым российскому правительству «с целью раскрыть выгоды, которые сулило бы России заключение договора о мире с этим государством, который обеспечил бы ей пря-

³ Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916), 1999. С. 149–151.

Russia – Morocco: the history of relations of the two countries in documents and materials (1777–1916), 1999. P. 149–151.

⁴ Там же. С. 152–153.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же.

мые торговые отношения, а ее торговому флоту – возможность судоходства по Средиземному морю»⁷. Донесение А.М. Горчакова и записку Грабера де Эмсо внимательно изучили в министерстве иностранных дел Российской империи. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде даже сделал доклад императору, в котором представил доводы А.М. Горчакова и Грабера де Эмсо относительно целесообразности заключения договора между Россией и Марокко. Записка Грабера де Эмсо «по высочайшему его императорского величества повелению» (АВПРИ. Ф. 1–9. Оп. 8. Д.17. Л. 35) была отправлена для изучения в министерство финансов. Однако министр финансов Е.В. Канкрин считал, что учреждение российского консульства в Танжере «по малочисленности нашего купеческого судоходства... бесполезным» (АВПРИ. Ф. 1–9. Оп. 8. Д. 17. Л. 35 об.). По поводу заключения торгового договора Е.В. Канкрин писал, что Россия не должна «без крайней нужды и очевидной пользы обязывать себя договорами сего рода» (АВПРИ. Ф. 1–9. Оп. 8. Д.17. Л. 35 об.). Экономическое состояние России не давало возможности развивать активную внешнюю торговлю и конкурировать с товарами европейских государств.

В конце XIX в. внешняя политика западных государств вступила в новый период колониального соперничества. В «Иностранном обозрении» Вестника Европы отмечалось, что «в далеких краях и морях завязываются узлы будущих международных отношений... европейские государства делят между собой Африку, как поделили уже Австралию» (Вестник Европы. 1889. № 9. С. 392). В 80–90-е гг. XIX в. марокканский вопрос по вполне понятным и объективным причинам стал привлекать еще большее внимание министерства иностранных дел России. В 1881 г. Россия присоединилась к Мадридской конвенции, которая фактически оформила полуколониальный статус Марокко. Статус великой державы диктовал российскому пра-

вительству необходимость активного участия в решении важных международных проблем. Вмешательство в марокканский вопрос требовало дипломатического присутствия в Марокко, именно поэтому российское правительство в 1881 г. поручило представителю Испании в Танжере представлять интересы России. Михаил Александрович Горчаков, чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Испании, сообщая в своем письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу о положительной реакции мадридского кабинета на данное событие, отмечал, что России предназначено «играть большую роль в будущем и главным образом в Марокко», а политика России в Марокко должна стать противовесом «франко-английским проискам на территории Африки» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 105).

В конце XIX в. Марокко все чаще и чаще, и отнюдь не случайно, упоминалось в донесениях российских дипломатов. Российские послы в Мадриде, Париже, Лондоне и других европейских столицах сообщали министерству иностранных дел о происходящих событиях в Марокко, о политике западных государств в Средиземноморском регионе. Популярность марокканской темы в донесениях российских послов показывает наличие систематического и целенаправленного интереса российского правительства к Марокко, его стратегическим и экономическим возможностям. Донесения российских дипломатов о Марокко тщательно изучались в министерстве иностранных дел и становились основой докладов императору. В докладе императору министра иностранных дел Н.К. Гирса от 16 декабря 1887 г. указывалось: «благодаря географическому положению, которое она занимает в Средиземном море, Мароккская империя служит предметом корыстных замыслов держав, имеющих существенные интересы в означенном море» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 144). Н.К. Гирс приходил к выводу, что Россия должна «принять более непосредственное участие» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 149) в событиях, касающихся Марокко.

В конце XIX в. российские дипломаты вновь стали поднимать вопрос о целесообразности уста-

⁷ Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916), 1999. С. 151.
Russia – Morocco: the history of relations of the two countries in documents and materials (1777–1916), 1999. P. 151.

новления официальных дипломатических отношений с Марокко. В 1885 г. о необходимости учреждения российского консульства в Танжере писал в своем донесении министерству иностранных дел российский генеральный консул в Кадиксе Э. Кнебель (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134–136). Э. Кнебель отмечал отрицательные последствия отсутствия российского представителя в Марокко: Россия лишена «всякой возможности получать из этой части Африки какие-либо торговые или промышленные сведения. Флаг наш не развевается наравне с другими в Танжерском порту; русское имя мало или совсем почти неизвестно тамошним жителям...» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134 об.).

Российский посол четко определил основные интересы России в Марокко. Прежде всего, Э. Кнебель указывал на перспективы развития российско-марокканской торговли и считал, что «промышленность Марокко и внешняя его торговля, имеющая своим проводником Танжерский порт, заслуживает более близкого ознакомления... из-за связи своей с Суданом и вообще с среднею Африкою» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134 об.). Консул также сообщал, что «Мароккская империя сама по себе не лишена и политического интереса..., постоянное соперничество там некоторых государств: Англии,...; Испании,...; наконец, Франции... привлекает внимание и любопытство на положение тамошних дел» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 134 об.–135). В тоже время консул справедливо замечал, что от «агента испанского правительства», который представлял в то время интересы России в Марокко, «невозможно ожидать и требовать... сообщения сведений подобного свойства, далеко не лишенных, однако, интереса и значения и могущих пролить свет на общее направление и виды того или другого данного правительства» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135). Э. Кнебель считал, что престиж великой державы настоятельно диктовал российскому правительству учредить свое представительство в Марокко: «роль, которую отечество наше играет на Востоке и особенно в мусульманском мире, столь видна, столь значительна,..., что не может быть для нас безразличным,

знакомы ли мы прямо или нет этому дальнему члену мусульманской семьи» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135).

По мнению Э. Кнебеля, все эти задачи политики России в Марокко могли быть решены учреждением российского консульства в Танжере «без всяких притом затрат и ущерба для казны» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135 об.). Э. Кнебель советовал министерству иностранных дел с особым вниманием подойти к выбору «лица, подходящего как своими способностями, так и положением своим, и своею репутациею» на должность российского представителя в Марокко, с помощью которого «можно было бы получать весьма интересные сведения о тамошней торговле и промышленности, а также возложить на него обязанность сообщать проявляющиеся политические факты и стремления, наблюдать и подмечать которые ему будет нетрудно при близости его к ним» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 135 об.–136).

В феврале 1893 г. российский посол в Константинополе А.И. Нелидов в депеше министерству иностранных дел, характеризуя значение учреждения российского представительства в Марокко, писал: «при увеличивающемся значении марокканского султаната во взаимных отношениях Великих держав, если бы мы имели там дипломатическое представительство, то приобретаем... некоторое влияние в крае, мы могли с успехом употребить его на пользу той или другой стороны, взамен выгод на иных более непосредственно-важных для нас поприщах» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2728. Л. 186). По мнению А.И. Нелидова, российское правительство могло бы использовать колониальное соперничество европейских держав в Магрибе для получения «компенсаций» в других регионах мира.

Активно настаивал на установлении официальных дипломатических отношений с Марокко и М.А. Горчаков. В своем письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу в марте 1894 г. он настоятельно советовал «обратить внимание в первую очередь на этот регион Африки и на идущий там, порой скрытый, процесс», который «вот уже пятнадцать лет» привлекает «внимание западных

держав – Франции, Англии и Италии» и вызывает «с их стороны серьезные притязания с целью обладания в этой важной восточной проблеме»⁸. Российский посол отмечал, что все европейские державы, включая Бельгию, имеют в Марокко своих представителей. Указывал он и на то, что «Германия не так давно произвела своего чрезвычайного и полномочного посланника в ранг министра»⁹. Данное обстоятельство, по мнению М.А. Горчакова, очень наглядно показывало важную роль Марокко в международных отношениях и колониальной политике западноевропейских держав. Российский дипломат ни без оснований опасался, что «тот или иной европейский вопрос может явиться тем моментом, который улучит та или иная из держав, дабы неожиданно завладеть Марокко»¹⁰. Наблюдая за событиями, происходящими в Марокко, М.А. Горчаков резюмировал, что «отсутствие непосредственного представителя России стало ошибкой» и «наше прямое и эффективное представительство в Марокко было бы,.... абсолютной необходимостью»¹¹. Предложения российских дипломатов были поддержаны высшими правительственными кругами. Министерство иностранных дел, изучив донесения российских дипломатов, в итоге пришло к выводу о необходимости учреждения в Танжере генерального консульства России во главе с министром-резидентом. В своем письме министру финансов С.Ю. Витте от 26 марта 1897 г. управляющий министерства иностранных дел М.Н. Муравьев в качестве причин положительного решения данного вопроса указывал «постоянно возрастающее значение для народов Европы Африканского материка и важные политические вопросы, сопряженные с колонизацией этой части света»¹². По мнению М.Н. Муравьева, представительство российских интересов в Марокко

испанским посланником «не дает нам возможности достигнуть в Марокко намеченной цели – приобрести бескорыстным отношением местным интересам влияние в крае, которое бы могло быть употреблено с успехом в пользу той или другой дружественной державы взамен выгод на иных, непосредственно важных для нас, поприщах»¹³.

Узнав о намерении министерства иностранных дел «учредить в Танжере посланнический пост» российский генеральный консул в Лиссабоне И.Я. Коростовец направил 30 октября 1897 г. заместителю министра иностранных дел В.Н. Ламздорфу записку «Марокко и европейская дипломатия», в которой изложил свои соображения по поводу интересов России в Марокко (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2729. Л. 30–68). О значении данного государства в международных отношениях И.Я. Коростовец писал: «Марокко, подобно Константинополю, знаменит своим «вопросом», т. е. суммой фактов и причин, обуславливающих независимость страны, обладание проливом и господство в Северной Африке» (Там же. Л. 30). Консул отмечал, что «открытие мароккского наследства – вопрос времени» и поэтому каждая из держав «зорко наблюдает за действиями других, стараясь убедить махзен (мароккское правительство), что именно она – его лучший и притом бескорыстный друг» (Там же. Л. 31).

И.Я. Коростовец обращал внимание российского правительства на то, что «хотя Россия не имеет прямых интересов в империи шерифов (царствующая династия), тем не менее тамошние дела для нее далеко не безразличны» (Там же. Л. 31 об.). По его мнению, в условиях «открытия» Марокко для иностранцев наличие российского представителя в этой стране в конце XIX в. было обязательным. Консул не сомневался, что присутствие России в Марокко даст ей возможность решать международные задачи в других регионах мира: «разнообразные факторы, направляющие международную политику в разных частях света, создают подчас такие конъюнктуры, при которых наличность или отсутствие русского влияния в Ма-

⁸ Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916), 1999. С. 169–170.

Russia – Morocco: the history of relations of the two countries in documents and materials (1777–1916), 1999. P. 169–170.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 170–171.

¹² Там же. С. 171.

¹³ Там же. С. 172.

рокко может получить немаловажное значение» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2729. Л. 31 об.). И.Я. Коростовец предлагал российскому представителю в Марокко «занять наблюдательное положение, держась в орбите французской политики» (Там же. Л. 32). В то же время он советовал, чтобы «следование в унисон с французскою дипломатиею не переходило известных границ», так как «слишком слабая самостоятельность может, во-первых, уронить престиж России в мнении махзена, а во-вторых, – повлиять дурно на наши отношения с Испанией» (Там же.) Большое внимание в своей записке И.Я. Коростовец уделил описанию дипломатии султана, его отношению к иностранцам. Российский консул предупреждал В.Н. Ламздорфа о том, что «многое зависит от личных качеств дипломата, от его такта, характера и умения себя поставить» и рекомендовал не применять в отношениях с султаном «излишнюю мягкость» и «категорическую решительность» (Там же. Л. 42 об.)

В своей записке И.Я. Коростовец дал подробную характеристику внешней торговли Марокко с европейскими государствами. Российский дипломат, отмечая перспективы развития российско-марокканских торговых отношений, писал, что «некоторые предметы нашей торговли» могли бы найти в Марокко новые рынки (Там же. Л. 32 об.). В качестве перспективных товаров, которые Россия могла бы ввозить в Марокко, И.Я. Коростовец называл зерно, керосин, пеньку, канаты, деготь, смолу, лес (Там же. Л. 68). При этом торговля с Марокко рассматривалась российским дипломатом не только с точки зрения экономических выгод. Характеризую торгово-экономические отношения Марокко с Германией, И.Я. Коростовец откровенно указывал на то, что «германская торговля является проводником политического влияния Германии в Марокко» (Там же. Л. 64 об.). Тем самым подразумевалось, что развитие российско-марокканских торговых отношений позволит и России установить свое политическое влияние в регионе. Торговля всегда

рассматривалась как один из возможных путей колониального внедрения на определенную территорию.

И.Я. Коростовец в своей записке определил основные направления политики России в Марокко в конце XIX в. Содержание записки было высоко оценено в министерстве иностранных дел. В.Н. Ламздорф в своем послании И.Я. Коростовцу от 12 ноября 1897 г. писал: «собранные Вами интересные сведения о положении дел в этой стране представляют драгоценный материал и будут весьма полезны для нашего будущего представительства в Танжере» (Там же. Л. 29). Рекомендации И.Я. Коростовца были учтены при составлении секретной инструкции для В.С. Бахерахта (АВПРИ. Ф. 509/1. Посольство в Берлине. Д. 4248. Л. 101–131), который 4 декабря 1897 г. был назначен министром-резидентом и генеральным консулом России в Марокко.

В конце XIX в. российские политики вполне обоснованно увидели в Марокко новый эпицентр международных противоречий, который сомкнул на себе европейскую и колониальную политику западных государств. Необходимость присутствия России в Марокко, а также прогнозирования перспектив развития событий в североафриканском регионе побудила российское правительство в 1897 г. установить дипломатические отношения с этим государством. Россия не могла остаться в стороне от решения марокканского вопроса, она так же, как и другие западные государства стремилась укрепиться в средиземноморском регионе и установить там свое политическое влияние. Интересы России в Марокко не исчерпывались использованием событий на средиземноморском побережье в качестве дополнительных и, безусловно, перспективных возможностей для российской дипломатии. Не исключались и колониальные проекты, проводником которых, по мнению многих российских политиков, могли стать российско-марокканские торговые отношения.

Библиографический список

Внешняя политика России XIX – начала XX в. Документы Рос. МИД. Сер. 2, 1815–1830. Т. 1 (9) / отв. ред.

References

Narochnickij A.L. 1974. Foreign policy of Russia XIX – of the early XX centuries. Documents of the Russian Minis-

А.Л. Нарочницкий. М.: Политиздат, 1974. 821 с.

Вестник Европы. 1889. № 9.

Дьяков Н.Н. Россия и Магриб: история установления отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. № 4. С. 3–13.

Дьяков Н.Н. Россия и Марокко: основные этапы и черты эволюции двусторонних связей в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2013. № 4. С. 3–11.

Жерлицына Н.А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе в конце XVIII–XIX в. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Вестник архивиста. 2017а. № 4. С. 159–171.

Жерлицына Н.А. Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2017б. № 4. С. 75–91.

Защук И.И. Германские колонии. СПб., 1908. 85 с.

Луцкая Н.С. Марокко. М.: Знание, 1958. 32 с.

Луцкая Н.С. Позиция России по марокканскому вопросу в конце XIX в. // Арабские страны: история и современность. М.: Наука, 1961. С.187–194.

Мусатова Т.Л. Связи России и Марокко в XIX в. // Народы Азии и Африки. 1987. № 1. С. 97–104.

Мусатова Т.Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1990. 204 с.

Московские ведомости. 1892. № 15. 15 января.

Наблюдатель. 1894. № 7.

Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 112–121.

Орлов В.В. Россия и Марокко в конце XVIII – начале XX в.: от обмена посланиями к обмену посольствами // Исторический вестник. 2015. № 11. С. 128–153.

Подгорнова Н.П. Россия – Марокко: история связей двух стран // Многоликая история. М.: Институт Африки РАН, 1997. С. 49–61.

Ратиани Ю. Агадирский кризис и позиция Россия //

try of Foreign Affairs. Ser. 2, 1815–1830. Vol. 1 (9). Moscow: Politizdat Publ. 821 p. (In Russ.)

1889. *Vestnik Evropy* [The Messenger of Europe]. No. 9. (In Russ.)

D'yakov N.N. 2009. Russia and Maghrib: a contribution to the history of interregional relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies]. No. 4. Pp. 3–13. (In Russ.)

D'yakov N.N. 2013. Russia and Morocco: main stages and features of evolution of the bilateral contacts in the 20th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies]. No. 4. Pp. 3–11. (In Russ.)

Zherlitsyna N.A. 2017a. Concerning history of the establishment of Russian Diplomatic Missions in the Maghreb in late 18th – 19th century: materials from the Archive of foreign Policy of the Russian Empire. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist]. No. 4. Pp. 159–171. (In Russ.)

Zherlitsyna N.A. 2017b. The Russian position in relation to colonial conquests of France in the Maghreb in XIX – beginning of the 20th centuries. *Voprosy istorii* [Historic Issues]. No. 4. Pp. 75–91. (In Russ.)

Zashchuk I.I. *Germanskie kolonii* [German colonies]. Saint Petersburg, 1908, 85 p. (In Russ.)

Lutsкая N.S. *Marokko* [Morocco]. Moscow: Znanie Publ., 1961, 32 p. (In Russ.)

Lutsкая N.S. 1978. Position of Russia on the Moroccan issue in the late 19th century. *Arabskie strany: istoriya i sovremennost'* [Arab countries: history and present]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 75–91. (In Russ.)

Musatova T.L. 1987. Relations between Russia and Morocco in the XIX c. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. No. 1. Pp. 97–104. (In Russ.)

Musatova T.L. 1990. Russia – Morocco: Distant and Recent Past. Essays in the History of Russian-Moroccan Relations in XVIII – Early XX c. Moscow: Nauka Publ. 204 p. (In Russ.)

1892. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Gazette]. No. 15, January 15. (In Russ.)

1894. *Nabljudatel'* [Observer]. No. 7. (In Russ.)

Orlov V.V. 2017. Morocco and Russian Navy: three centuries of contacts. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of Institute of oriental studies of RAS]. No. 5. Pp. 112–121. (In Russ.)

Orlov V.V. 2015. Russia and Morocco in the late 18th – early 20th c.: from the exchange of letters to the exchange of ambassadors. *Istoricheskii vestnik* [Historical Reporter magazine]. No. 11. Pp. 128–153. (In Russ.)

Podgornova N.P. 1997. Russia – Morocco: history of communications of two countries. *Mnogolikaya istoriya* [Many-sided history]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ. Pp. 49–61. (In Russ.)

Ratiani Ju. 1939. Agadir crisis and position Russia.

Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 43–57.

Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916) / авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М.: Институт Африки РАН, 1999. 624 с.

Русская мысль. 1894. № 1.

Руткевич Н.П. Марокканские конфликты и Россия // Ученые записки Свердловского педагогического института. Вып. 2. Свердловск, 1939. С. 15–75.

Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 133. 17 мая.

Скальковский К. Внешняя политика России и политика иностранных держав. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. 682 с.

Соколов А.В. Из истории изучения русскими Марокко // Вопросы исторической географии и истории географии. М.: Наука, 1973. С. 34–36.

Anderson, Eugene N. The first moroccan erisie 1904–1906. Chicago, 1930. 420 p.

Parsons F. The origins of the Morocco question, 1880–1900. L., 1976. 663 p.

Сведения об авторе

Яковлева Елена Васильевна,

кандидат исторических наук, заместитель директора по учебной и воспитательной работе, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин, Иркутский институт – (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: elena.v.yakovleva@mail.ru

Критерии авторства

Е.В. Яковлева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Voenna-istoricheskii zhurnal [Military and historical journal]. No. 2. Pp. 43–57. (In Russ.)

Podgornova N.P. 1999. Russia – Morocco: history of communications of two countries in documents and materials (1777–1916). Moscow: Institute of Africa of RAS Publ. 624 p. (In Russ.)

1894. *Russkaja mysl'* [Russian thought]. No. 1. (In Russ.)

Rutkevich N.P. 1939. Moroccan conflicts and Russia. *Uchenye zapiski Sverdlovskogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of the Sverdlovsk Pedagogical Institute]. Sverdlovsk. Iss. 2. Pp. 15–75. (In Russ.)

1898. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Gazette]. No. 133. May 17. (In Russ.)

Skal'kovskii K. 1901. Foreign policy of Russia and policy of foreign powers. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina Publ. 682 p. (In Russ.)

Sokolov A.V. 1973. From history of studying by Russians of Morocco. *Voprosy istoricheskoi geografii i istorii geografii* [Issues of historical geography and history of geography]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 34–36. (In Russ.)

Anderson, Eugene N. The first moroccan erisie 1904–1906. Chicago, 1930. 420 p.

Parsons F. The origins of the Morocco question, 1880–1900. L., 1976. 663 p.

Information about the author

Elena V. Yakovleva,

Cand. Sci. (History), Deputy director for educational work, Associate Professor of the Department of Humanitarian and information disciplines, All-Russian State University of Justice, Irkutsk Branch (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), 4 Nekrasov Str., Irkutsk 664011, Russian Federation, e-mail elena.v.yakovleva@mail.ru

Attribution criteria

Yakovleva E. V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.